

Рассказывает Л. Баратов

Леонид Васильевич Баратов остановился на лестничной площадке второго этажа дирекции Большого театра, у входной двери в музей. В его руках — тросточка, в зубах — трубка.

— Это вы? — обратился он ко мне, продолжая держать трубку в зубах. — Здравствуйте, читал. Славное дело вы затеяли — Летопись Большого театра. В ней может быть напечатано то, о чем никогда не прочитаешь в обычной литературе о Большом театре. Ведь Большой театр — это не почтовый адрес, это — люди и прекрасные люди, о которых можно рассказать гораздо интереснее, больше, полнее и значительнее. Горящая изумрудами люстра в зрительном зале Большого театра ведь тоже кем-то когда-то зажигается и чистится, иначе бы она так ярко не горела.

Большой театр — это собрание замечательных людей, — вспомните хотя бы жизнь Вячеслава Ивановича Сук. Какой это был прекрасный человек-художник! Гигант русской классической музыки, которую он воспринимал каким-то своим, особым чувством. До конца своей жизни он находил в ней что-то новое, растущее, волнующее, трепетное.

Однажды он стоял за дирижерским пультом, репетировал оперу «Сказание о невидимом граде Китеже», а я сидел в зрительном зале. В. Сук обратился ко мне.

— Лень!

В. Сук был по национальности чех, и говорил он, немного ломая русские слова. Леонид Васильевич, рассказывая о Вячеславе Ивановиче, делает то же самое.

— Я всю жизнь смотрел в эта партитура, и только сейчас я понял всю красоту и величие этого композитора. Есть над чем поработать.

— Это было буквально за несколько дней до смерти гениально-

го дирижера, сделавшего очень много для Большого театра, для славы русской музыкальной театральной культуры, — продолжал рассказ Л. В. Баратов. — Он всегда искал в творчестве и находил, и не случайно уже в конце жизни он увидел в «Граде Китеже» то, что ему открыло новые возможности в работе над партитурой. Он никогда не останавливался в своем творчестве.

Леониду Васильевичу, наверное, очень близко творчество Сук, это чувствовалось во всем: и в интонации и в жестах. Чувствовалось большое уважение к замечательному мастеру. Леонид Васильевич Баратов потянул дымок из трубки. Мягкий аромат табака заполнил воздух лестничной площадки. Л. Баратов продолжал:

— Почему еще была красива эта замечательная, славная жизнь? Потому, что В. Сук умер в ту минуту, когда думал о Большом театре. Какая благородная смерть: всю жизнь думать о Большом театре и умереть с мыслью о нем.

В. И. Сук позвонил по телефону в Большой театр в канцелярию оркестра.

— Кто со мной говорит? В моем спектакле должен обязательно исполнять соло на трубе С. Еремин.

— Вам и назначили Еремина. А почему вы, Вячеслав Иванович, не идете в театр? Ведь у вас сегодня днем репетиция.

— Иду, иду, я уже в пальто, в шляпе, и трость в руках.

В. Сук положил телефонную трубку. Упал и больше уже не встал.

— Не знаю, — говорит Леонид Васильевич Баратов, — может быть, с этих пор, и именно с этого дня я вот ношу эту трость, а артисты оркестра, входя в фойе имени В. Сук, снимают шляпу, артисты мимического ансамбля аккуратнее гримируются, а артисты балета оттачивают свои фуэте.

Леонид Васильевич молчал. Я внимательно смотрел на его задумчивое лицо. Я хотел понять, о чем он думает сейчас. Не о себе ли? Не о своей ли прекрасной жизни, которую можно поставить рядом с жизнью замечательных людей прошлого, настоящего, которые украшают своей жизнью, творчеством, глубиной своей мысли, поступками наш Большой театр.

Еще одна затяжка.

— А вы знаете, Борис, все же мне порой кажется, что Сук продолжает идти в Большой театр. Идет по радостным улицам Москвы и вот-вот подойдет к Большому театру. Он идет где-то с нами рядом, идет в образе других людей, таких же требовательных, упрямых, всегда ищущих, борющихся и побеждающих, осваивающих прошлое, вносящих в жизнь свое, молодое. Эти люди всегда идут с благородным чувством к памяти прошлого, к памяти замечательных жизней, которые заполняли искусство Большого театра.

Леонид Васильевич Баратов спохватился. Не место на лестнице вспоминать о большом и значительном.

И вот он уже на ходу прощается со мной по-доброму, по-ласковому и издали, с лестницы кричит:

— Обязательно заходите ко мне, я вам расскажу еще.

Тросточка в его руках нащупывает идущие книзу ступени.

Я стоял озадаченный. Почему я ни слова не сказал этому замечательному, большому и умному человеку, талантливому постановщику многих спектаклей в Большом театре? А сказать хотелось очень

Окончание на 4^й стр.

2

СОВЕТСКИЙ
АРТИСТ

1960г. 21 сент. 1960